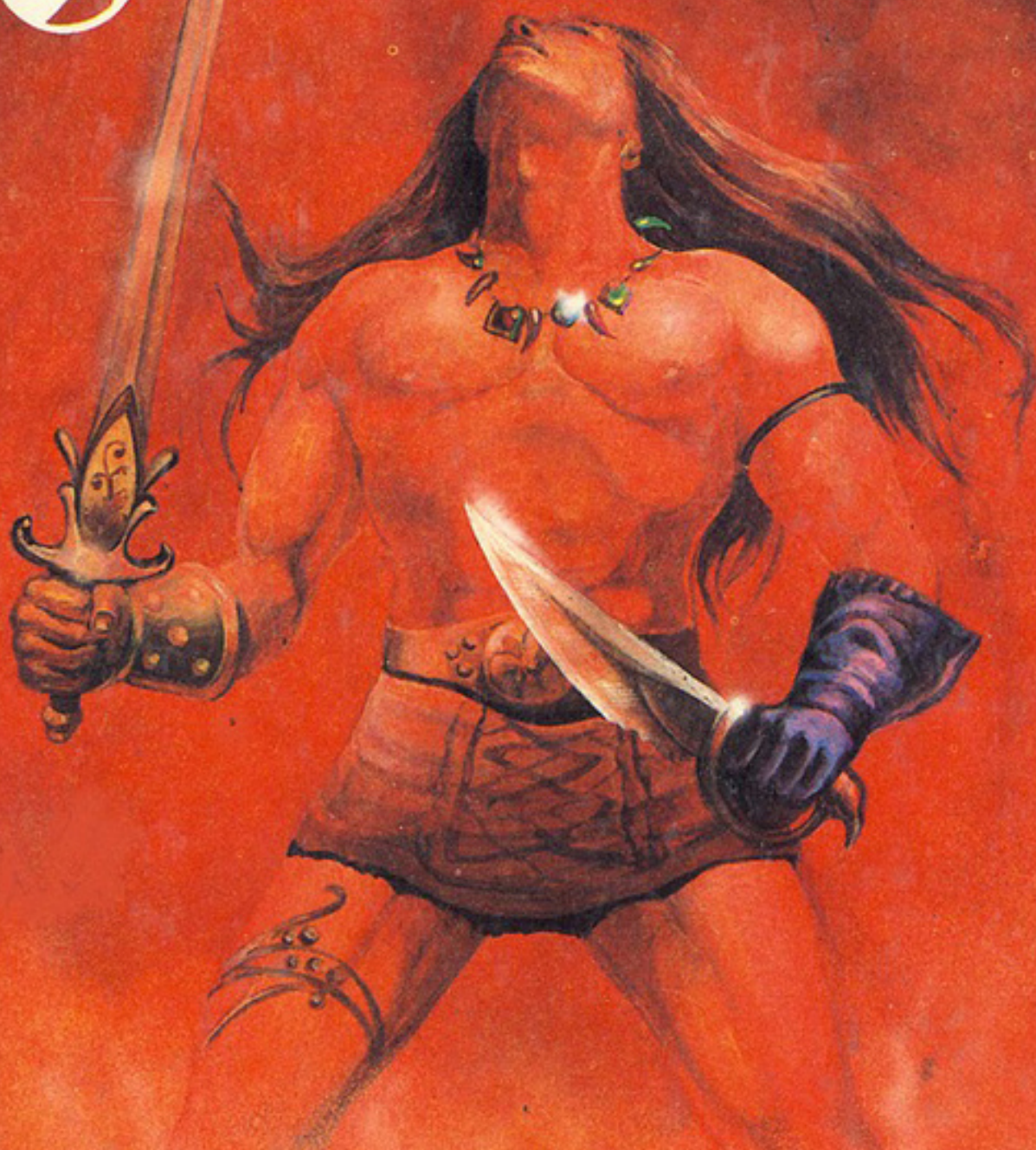

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Э. Р. БЕРРОУЗ

МАРСИАНСКИЕ ВОЙНЫ

Марсианин Джон Картер

Эдгар Берроуз

Боги Марса

«ЛитПаб»

1918

Берроуз Э. Р.

Боги Марса / Э. Р. Берроуз — «ЛитПаб», 1918 — (Марсианин Джон Картер)

Мы знаем множество Марсов – Марс Герберта Уэллса и Рэя Брэдбери Алексея Толстого и Артура Кларка, Филипа К. Дика и Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна и Стэнли Вейнбаума... список можно продолжать до бесконечности. А теперь перед вами – Марс Эдгара Р. Берроуза. Марс головокружительных приключений и чудовищных монстров. Марс великих героев и прекрасных королей древних земель. Мир жестоких богов коварных жрецов и мудрых магов. Марс, совершенно не похожий на всё остальные... Марс, без которого, возможно, попросту не существовало бы Марсов остальных.

© Берроуз Э. Р., 1918

© ЛитПаб, 1918

Содержание

К читателю	5
1. Растительные люди	7
2. Битва в лесу	13
3. Таинственная комната	19
4. Тувия	25
5. В подземном лабиринте	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эдгар Берроуз

Боги Марса

К читателю

Двенадцать лет прошло с тех пор, как я положил тело своего дяди, капитана Джона Картера из Виргинии, в великолепный мавзолей на старом кладбище в Ричмонде.

Часто размышлял я над странными инструкциями, которые он оставил мне в завещании. В особенности удивляли меня два пункта: тело, согласно его воле, было уложено в открытый гроб, и сложный механизм болтов на двери склепа мог быть открыт только изнутри.

Двенадцать лет прошло с того дня, когда я прочел рукопись этого удивительного человека – человека, который не помнил детства, и возраст которого нельзя было определить даже приблизительно. Он выглядел совсем молодым, а знал ребенком прадеда моего деда. Он провел десять лет на планете Марс, сражался за и против зеленых и красных людей Барсума, завоевал прекрасную Дею Торис, принцессу Гелиума, и в продолжение почти десяти лет был ее мужем и членом семьи Тардос Морса, джеджака Гелиума.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как его безжизненное тело было найдено перед коттеджем на скалистом берегу Гудзона. Я часто спрашивал себя в эти годы, действительно ли умер Джон Картер, или же он снова бродит по высохшему морскому дну умирающей планеты. Я спрашивал себя, что он нашел на Барсуме, если вернулся туда, открылись ли вовремя в тот давно прошедший день, когда он безжалостно был брошен обратно на Землю, двери огромной атмосферной фабрики и спаслись ли бесчисленные миллионы существ, умиравших от недостатка воздуха? Я спрашивал себя, нашел ли он свою черноволосую принцессу и своего сына, которые, как он мечтал, ожидали его возвращения в дворцовом саду Тардоса Морса? Или же он убедился, что помощь его в тот день опоздала, и его встретил мертвый мир? Или же он действительно умер и никогда не вернется ни на свою родную Землю, ни на свой любимый Марс?

Я был погружен в эти бесплодные размышления в один из душных августовских вечеров, когда старый Бен, наш привратник, подал мне телеграмму. Я вскрыл и прочел ее.

«Приезжай завтра Ричмонд отель Ролей.

Джон Картер».

На следующее утро с первым поездом я отправился в Ричмонд и уже через два часа входил в комнату, занимаемую Джоном Картером.

Он поднялся, чтобы приветствовать меня, и знакомая ясная улыбка озарила его лицо. На вид он несколько не постарел и казался все тем же стройным и крепким тридцатилетним мужчиной. Его серые глаза блестели, лицо выражало ту же железную волю и решимость, что и тридцать пять лет тому назад.

– Ну, дорогой племянник, – приветствовал он меня, – тебе не кажется, что перед тобой дух или у тебя галлюцинация?

– Знаю одно, – ответил я, – что чувствую себя великолепно. Но скажите, вы опять были на Марсе? А Дея Торис? Нашли ли вы ее здоровой, и ждала ли она вас?

– Да, я снова был на Барсуме и... Но это длинная история, слишком длинная, чтобы успеть рассказать ее в то короткое время, которым я располагаю до того, как должен буду вернуться обратно. Я проник в очень важную тайну, и могу, по своему желанию, пересекать безграничные пространства между планетами. Но сердцем я всегда на Барсуме. Я люблю по-прежнему свою марсианскую красавицу и вряд ли когда-либо покину умирающую планету.

Моя привязанность к тебе побудила меня прибыть сюда на короткое время, чтобы повидать тебя еще раз перед тем, как ты навсегда уйдешь в тот другой мир, которого я никогда не узнаю и в тайну которого я не в состоянии проникнуть, хотя и умирал трижды и сегодня умру опять.

Даже мудрые старцы на Барсуме, жрецы древнего культа, живущие в таинственной крепости на вершине горы Оц, которым в течение бесчисленных веков приписывалось обладание тайной жизни и смерти, даже они оказались так же несведущи, как мы. Я доказал это, хотя чуть не лишился при этом жизни. Но ты все прочтешь в записках, которые я составил в течение последних трех месяцев, проведенных на Земле.

Он погладил рукой туго набитый портфель, который лежал возле него на столе.

– Я знаю, что это интересует тебя, и ты веришь мне. Я знаю, что мир тоже заинтересуется этим, хотя и не поверит этому еще много лет, нет, много веков, так как не сможет понять. Люди Земли еще не продвинулись в своих познаниях настолько, чтобы понять вещи, которые написаны в моих записках.

Ты можешь издать из этих записок то, что захочешь, что, по твоему мнению, не повредит людям. Не печалься, если они тебя высмеют.

В ту же ночь он отправился со мной на кладбище. У дверей склепа он остановился и сердечно пожал мне руку.

– Прощай, мой дорогой, – сказал он. – Я, вероятно, никогда не увижу тебя, потому что вряд ли захочу покинуть свою жену, а на Барсуме часто живут более тысячи лет.

С тех пор я никогда больше не видел Джона Картера, моего дядю.

Передо мной лежит его история возвращения на Марс, которую я выбрал из огромной массы записок, переданных мне в отеле Ричмонда.

Я многое издал, многое не посмел напечатать, но вы найдете здесь историю его повторных поисков Деи Торис – дочери тысячи джеддаков – и его приключений, еще более удивительных, чем те, которые были описаны в его первой рукописи, изданной мною много лет тому назад.

Эдгар Берроуз.

1. Растительные люди

Стоя перед своим коттеджем на скалистом берегу струящегося подо мной серого и молчаливого Гудзона, в ту холодную светлую ночь начала марта 1886 года, я вдруг был охвачен странным и знакомым ощущением. Мне казалось, что красная звезда Марс тянет меня к себе, что я связан с нею какими-то невидимыми, но крепкими нитями.

С той далекой мартовской ночи в 1886 году, когда я стоял у аризонской пещеры, в которой лежало мое неподвижное тело, я ни разу не испытал на себе притягательной силы планеты.

Я стоял, простирая руки к большой красной звезде, моля о появлении той необыкновенной силы, которая дважды проносила меня через неизмеримые пространства. Я молил так же, как молил уже тысячи раз в течение этих долгих десяти лет, когда ждал и надеялся.

Внезапно я почувствовал дурноту, голова закружилась, ноги задрожали, и я упал во весь рост на самом краю высокой отвесной скалы.

Немедленно мой мозг прояснился, и в памяти живо встали ощущения таинственной пещеры в Аризоне; снова, как и в ту давно прошедшую ночь, мускулы отказались повиноваться моей воле, и снова здесь, на берегу мирного Гудзона, слышал я таинственные стоны и странный шелест, испугавший меня в пещере; я сделал нечеловеческое усилие, чтобы стряхнуть бесчувствие, сковавшее меня. Снова, как и тогда, послышался резкий треск, как бы соскочившей пружины, и снова я стоял голый и свободный рядом с безжизненным телом, в котором еще так недавно билась горячая кровь Джона Картера.

Едва кинув взгляд на него, я обратил взор на Марс, простер руки к его зловещим лучам и трепетно ждал повторения чуда. И сразу же, подхваченный каким-то вихрем, я был унесен в безграничное пространство. Снова, как двадцать лет тому назад, я ощутил невообразимый холод и полнейший мрак и очнулся уже в другом мире. Я увидел себя лежащим под горячими лучами солнца, едва пробивавшимися через ветви густого леса.

Пейзаж, представший перед моими глазами, был совсем не похож на марсианский, и сердце заныло от внезапно охватившего меня страха, что жестокая судьба закинула меня на какую-то чужую планету.

А почему бы и нет? Разве я знал путь среди однообразной пустыни межпланетного пространства? Разве я не мог быть отнесен на какую-нибудь далекую звезду другой солнечной системы?

Я лежал на скошенной лужайке, покрытой красной травообразной растительностью. Вокруг меня возвышались необыкновенные прекрасные деревья с огромными роскошными цветами. На ветках качались блестящие и молчаливые птицы. Я называю их птицами, потому что у них были крылья, но ни один человеческий глаз не видел подобных существ.

Растительность напоминала мне ту, которая покрывает луга красных марсиан на больших водных путях, но деревья и птицы не были похожи на те, что я когда-либо видел на Марсе, а сквозь дальние деревья мне открывался самый немарсианский вид – я видел море, голубые воды которого блестели в лучах солнца.

Однако, приподнявшись, я снова испытал то же смешное чувство, как и при моей первой попытке ходьбы по Марсу. Меньшая сила притяжения и разреженная атмосфера оказывали так мало сопротивления моим земным мускулам, что я при своей попытке подняться был сброшен вверх на несколько футов, а затем упал лицом вниз на блестящую мягкую траву этого странного мира.

Эта неудачная попытка меня несколько успокоила. Я мог, все же, находиться в какой-то неизвестной мне части Марса. Это было очень возможно, потому что в течение моего десятилетнего пребывания на Барсуме я исследовал сравнительно малую часть его огромной поверхности.

Я встал, посмеявшись над своей забывчивостью, и вскоре сумел снова приспособить свои мускулы к измененным условиям.

Медленно ступая по пологому склону к морю, я не мог не заметить, что роща, окружавшая меня, производила впечатление парка. Трава была коротко подстрижена, и лужайка имела вид ровного ковра, как лужайки в Англии; за деревьями, по-видимому, тоже был тщательный уход. Они все были подрезаны и имели одинаковую высоту.

Все эти признаки тщательного и систематического культивирования убеждали меня, что в это мое второе пришествие на Марс мне повезло, и что я попал во владения культурных людей, у которых найду защиту и то обращение, на которое я имел право рассчитывать в качестве члена семьи Тардоса Морса.

Чем дальше я продвигался к морю, тем больше восхищался деревьями. Их огромные стволы, достигавшие иногда ста футов в диаметре, свидетельствовали об их необыкновенной высоте. Я мог только догадываться о ней, потому что мой глаз не проникал сквозь густую листву выше, чем на восемьдесят-сто футов.

Стволы, ветви и сучья казались отполированными, как лучшие новейшие роули. Некоторые стволы были черными, как черное дерево, другие блестели в полусвете леса как самый тонкий фарфор, некоторые были голубого, желтого, ярко-красного и малинового цвета.

Так же, как стволы, была разнообразна и ярка листва, а цветы, висящие густыми гроздьями, были так прекрасны, что описать их на земном языке невозможно; для этого нужно было бы прибегнуть к языку богов.

Подойдя к опушке леса, я увидел между лесом и морем большой луг. Я уже собирался выйти из тени деревьев, как мой взгляд упал на нечто, что сразу рассеяло все мои идиллические и поэтические размышления о красоте этого необычайного пейзажа.

Налево от меня, насколько охватывал глаз, расстилалось море; впереди смутные очертания указывали на далекий берег. Направо могучая река, спокойная и величественная, текла между красными берегами и вливалась в море.

На небольшом расстоянии вверх по реке возвышались большие отвесные скалы, из основания которых, казалось, вытекала река.

Но не эти величественные картины природы отвлекли мое внимание от красот леса. Это был вид десятка фигур, медленно двигавшихся по лугу вблизи берега реки.

Это были странные, смешные фигуры, подобных которым я никогда не видывал на Марсе; однако издали они имели некоторое подобие людей. Они казались от десяти до двенадцати футов ростом, когда держались прямо, туловище и нижние конечности были так же пропорциональны, как у людей на Земле.

Однако их руки были очень коротки и, насколько я мог разглядеть, они были устроены наподобие хобота слона; они извивались, как змеи, как будто лишенные костей. Если в них и были кости, то, вероятно, вроде позвоночного столба.

Я следил за ними из-за ствола огромного дерева и видел, как одно из этих существ медленно двигалось в моем направлении. Оно, как и все остальные, было занято тем, что шарило руками по поверхности лужайки, для какой цели – этого я не мог определить.

Когда оно подошло поближе, я смог его рассмотреть хорошенько и, хотя мне впоследствии пришлось ближе познакомиться с этой породой, я вполне был бы удовлетворен этим единственным беглым осмотром. Самый быстроходный аэроплан гелиумского флота не мог бы унести меня с достаточной быстротой от этого существа.

Его безволосое тело было странного зелено-синего цвета, за исключением широкой белой полосы, которая окружала единственный выступавший глаз – глаз, в котором все: зрачок, радужная оболочка, белок, было одинаково мертвенно бело.

Носом служило воспаленное круглое отверстие в центре совершенно гладкого лица: отверстие это более всего напоминало свежую рану от пули. Книзу лицо было ровное до самого подбородка, и я нигде не видел признаков рта.

Голову, за исключением лица, покрывала густая масса спутанных черных волос, длиною в восемь-десять дюймов. Каждый волос был с крупного дождевого червя, и когда существо двигало мускулами головы, эти страшные волосы извивались и ползали по лицу, как будто каждый из них был наделен самостоятельной жизнью.

Туловище и ноги были симметричны, как у человека; ступни по форме тоже напоминали человеческие, но чудовищных размеров. От пальцев до пятки они были трех футов длиной, очень плоские и широкие.

Когда это странное существо подошло совсем близко ко мне, я догадался, что означали странные движения его рук. Это был особый метод питания: существо посредством своих бритвообразных когтей скашивало нежную траву и всасывало ее в свое рукообразное горло двумя ртами, находящимися на ладони каждой руки.

К описанному мною я должен добавить, что животное было наделено огромным хвостом в шесть футов длиной. Хвост был совсем круглый у основания, но к концу суживался и образовывал как бы плоское лезвие, опускающееся под прямым углом.

Но самой удивительной особенностью этого чудовища были два маленьких точных воспроизведения его, которые болтались с каждой его стороны, подвешенные к подмышкам взрослого животного посредством небольшого стебля. Я не знал, были ли это детеныши, или просто часть сложного организма животного.

Пока я рассматривал это необыкновенное чудовище, остальное стадо приблизилось ко мне. Теперь я увидел, что не все животные были снабжены маленькими болтающимися существами. Кроме того, я заметил, что размер и степень развития этих детенышей были различными – начиная с маленьких, как бы нераскрывшихся почек, и кончая совсем развитыми существами длиной в десять-двенадцать дюймов.

В стаде находилось много подростков, немногим больше тех, которые были еще прикреплены к родителям, и, наконец, огромные взрослые.

Как ни страшно они выглядели, я не знал, бояться мне их или нет. Мне казалось, что они не имеют орудия нападения. Я уже вышел было из моего убежища, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на них вид человека, но меня удержал, к счастью, пронзительный вопль, который раздался в скалах по правую сторону от меня.

Я был голый и безоружный, и если бы привел в исполнение свое намерение и показался лютым чудовищам, меня ожидал бы быстрый и страшный конец. Но в момент крика все стадо повернулось в сторону, откуда исходил звук; в то же мгновение каждый змееподобный волос на головах чудовищ встал перпендикулярно, как бы прислушиваясь к крику. В действительности это так и оказалось: странные волосы на головах растительных людей Барсума – тысячи ушей этих уродливых существ, последних представителей расы, вышедшей из первоначального древа жизни.

Немедленно все глаза повернулись к огромному животному, которое, очевидно, было вожаком. Станный мурлыкающий звук раздался изо рта в его ладони, и в эту же минуту он быстро направился к скалам. За ним последовало все стадо.

Быстрота их была поистине поразительна: они передвигались огромными прыжками в двадцать-тридцать футов, на манер кенгуру.

Они быстро удалялись от меня, но мне пришлось в голову следовать за ними, а потому, отбросив всякую осторожность, я выскочил на поляну и поспешил за ними следом, совершая еще более удивительные прыжки, чем они. Мускулы сильного земного человека могут производить прямо чудеса при меньшем притяжении и слабом давлении воздуха Марса.

Они скакали к тому месту, где находились скалы, и где, казалось, находился исток реки. Приблизившись, я увидел, что луг был усеян огромными глыбами, которые, очевидно, представляли собой обломки высоких скал, разрушенных временем.

Мне пришлось подойти совсем близко, прежде чем я понял, что вызвало тревогу стада. Вскарабкавшись на большую глыбу, я увидел стадо растительных людей, окруживших маленькую группу, которая состояла из шести зеленых людей Барсума.

Теперь уже я не сомневался, что нахожусь на Марсе, потому что видел перед собой членов диких племен, которые населяют высохшее дно морей и мертвые города умирающей планеты.

Я видел огромных мужчин, возвышающихся во весь свой величественный рост, видел блестящие клыки, которые выдавались из нижних челюстей и доходили почти до самой середины их лба, расположенные по бокам выступающие глаза, которые могут смотреть вперед и назад не поворачивая головы; я видел странные рожкообразные уши, расположенные на макушке головы и добавочную пару рук, находившуюся между плечами и бедрами.

Даже без их блестящей зеленой кожи и металлических украшений, указывающих, к какому племени они принадлежат, не задумываясь я признал бы в них зеленых марсиан. Где в другом месте вселенной могли бы найтись подобные им?

В группе было двое мужчин и три женщины. Их украшения указывали, что они – члены разных племен. Это обстоятельство несказанно меня поразило: многочисленные племена зеленых людей Барсума находятся вечно в жестокой войне между собой, и я никогда не видел зеленых марсиан различных племен иначе, как в смертном бою, за исключением того единственного случая, когда великому Тарс Таркасу удалось собрать сто пятьдесят тысяч зеленых воинов и выступить с ними против обреченного на гибель города Зоданги для освобождения из когтей Тзэн Козиса Деи Торис, дочери тысячи джеддаков.

Но теперь они стояли спиной к спине с широко раскрытыми от удивления глазами и смотрели на явно враждебные действия общего врага.

Мужчины и женщины были вооружены длинными мечами и кинжалами, но огнестрельного оружия не было видно, иначе расправа с ужасными растительными людьми Барсума была бы коротка.

Вожак растительных людей первым набросился на маленькую группу, и способ его атаки оказался очень действенным. В военной науке зеленых воинов не было способа защиты от такого нападения, и мне вскоре стало ясно, что зеленые марсиане не были знакомы ни с этой особенной манерой атаки, ни с чудовищами, которые напали на них.

Растительный человек прыгнул на расстоянии двенадцати футов от группы, а затем одним прыжком поднялся, как бы желая перелететь через их головы. Он высоко поднял свой могучий хвост и, проносясь над головами, нанес такой сильный удар по черепу зеленого воина, что раздавил его, как яичную скорлупу.

Остальное стадо стало с ужасающей скоростью кружиться вокруг своих жертв. Их необычайные прыжки и пронзительное мурлыканье были рассчитаны на то, чтобы терроризировать несчастную добычу. Это удалось им вполне, и когда двое из них прыгнули одновременно с двух сторон, они не встретили никакого сопротивления; еще два зеленых марсианина погибли под ударами ужасных хвостов.

Теперь оставались только один воин и две женщины. Казалось делом нескольких секунд, чтобы и эти тоже лежали мертвыми на красном лугу.

Но воин оказался уже научен опытом последних минут, а поэтому, когда еще двое растительных людей сделали прыжок, он поднял свой могучий меч и рассек туловище одного из чудовищ от подбородка до паха.

Другое чудовище, однако, нанесло такой удар, что уложило обеих женщин, свалившихся замертво на землю.

Видя, что последние его товарищи пали, и заметив, что неприятель собирается всем стадом наброситься на него, зеленый воин храбро кинулся им навстречу. Он бешено размахивал мечом особым приемом, как это часто делают люди его племени в своих жестоких и почти постоянных боях.

Нанося удары направо и налево, он проложил себе дорогу среди наступающих растительных людей, а затем с бешеной скоростью помчался к лесу, под защитой которого он, очевидно, надеялся укрыться.

Он повернул к той части леса, которая примыкала к скалам, и бежал, преследуемый всем стадом, все дальше и дальше от той глыбы, на которой я лежал.

Следя за доблестным боем зеленого воина против огромных чудовищ, мое сердце преисполнилось к нему восхищением и, по моей привычке действовать по первому побуждению, а не по зрелому рассуждению, я немедленно спрыгнул с глыбы и быстро направился к месту, где лежали тела убитых марсиан. Я уже составил себе план действий.

Несколькими огромными прыжками я достиг места боя и через минуту уже мчался за страшными чудовищами, которые быстро настигали убежавшего воина. В руке моей был могучий меч, в сердце кипела кровь старого вояки, красный туман застилал глаза, и я чувствовал, что на моих губах заиграла улыбка, которая всегда появлялась в предчувствии радости боя.

Зеленый воин не успел пробежать и половины расстояния до леса, как был настигнут врагами. Он стал спиной к глыбе, в то время как стадо, приостановившись, шипело и визжало вокруг него.

Своим единственным глазом, расположенным посредине головы, своими червеобразными волосами, они все разом обратились к жертве, и поэтому не заметили моего бесшумного приближения. Таким образом, я мог напасть на них сзади и уложить четверых из них раньше, чем они узнали о моем присутствии.

Мое стремительное нападение заставило их на минуту отступить, но этим мгновением успел воспользоваться зеленый воин. Он подскочил ко мне и начал наносить страшные удары направо и налево. Он описывал мечом большие петли, наподобие восьмерки, и останавливался только тогда, когда вокруг него не оставалось ни одного живого врага. Острие его огромного меча проходило сквозь мясо, кости и металл, как будто сквозь воздух.

В то время как мы были заняты этой резней, далеко над нами раздался пронзительный зловеющий крик, который я уже слышал и который вызвал атаку стада на зеленых воинов. Снова и снова звучал этот крик, но мы были так поглощены борьбой с лютыми и сильными чудовищами, что не имели даже возможности посмотреть, кто виновник этих ужасных звуков.

В бешеной злобе хлестали вокруг нас огромные хвосты, бритвообразные когти резали наше тело, и зеленая, липкая жидкость, похожая на ту, что выходит из раздавленной гусеницы, покрывала нас с головы до ног. Эта клейкая масса течет в венах растительных людей вместо крови.

Вдруг я почувствовал тяжесть одного из чудовищ на своей спине; его острые когти вонзились в мое тело, и я испытал ужасное ощущение прикосновения влажных губ, высасывающих кровь из моих ран.

Спереди на меня нападало свирепое чудовище, а двое других размахивали с обеих сторон своими хвостами.

Зеленый воин тоже был окружен врагами, и я чувствовал, что неравная борьба не может долго продолжаться. Но в это время воин заметил мое безвыходное положение и, быстро оторвавшись от окружающих его врагов, ударом своего меча освободил меня от врага за моей спиной, с остальными я уже справился без затруднения.

Теперь мы встали с ним почти спина к спине, прислонившись к большой глыбе. Таким образом чудовища были лишены возможности перепрыгивать через нас и наносить свои смертельные удары. Позиция была настолько удачна, что наши силы оказались равны, и мы легко

справлялись с остатками наших врагов. Вдруг внимание наше было привлечено пронзительным воплем над нашими головами.

На этот раз я взглянул вверх, и высоко над нами на маленьком выступе скалы я увидел фигуру человека, издающего сигнал. Одной рукой он махал по направлению к устью реки, как бы подавая знак кому-то, а другой указывал на нас.

Одного взгляда в том направлении, куда он смотрел, было достаточно, чтобы понять значение его жестов и чтобы наполнить меня грозным предчувствием неминуемой беды. Со всех сторон на луг стекались сотни дико скачущих чудовищ, с которыми мы только что имели дело, а вместе с ними какие-то новые звери бежали то прямо, то припадали на четвереньки.

– Нас ждет смерть! – сказал я своему товарищу. – Посмотри!

Он кинул быстрый взгляд в том направлении, которое я указывал, и ответил:

– По крайней мере, мы сможем умереть сражаясь, как должно великим воинам, Джон Картер!

Мы только что прикончили нашего последнего противника, и я обернулся, ошеломленный при звуке моего имени. Перед моими глазами был величайший из зеленых людей Барсума, искусный государственный деятель и могучий военачальник, мой добрый друг Тарс Таркас, джеддак тарков!

2. Битва в лесу

Тарс Таркас и я, окруженные трупами наших странных противников, не имели времени обменяться объяснениями, потому что со всех сторон долины на нас устремлялись широким потоком страшилища, привлеченные зловещим призывным криком фигуры, стоявшей над нами.

– Идем! – закричал Тарс Таркас. – Мы должны добраться до скал. Мы должны найти пещеру или узкий выступ, где двое смогут обороняться от этой орды. Это наша единственная надежда хотя бы на временное спасение.

Чудовища быстро настигали нас, и мы помчались вместе по красной лужайке, причем я старался соразмерять свой бег с моим более медленным товарищем. Нам нужно было покрыть около ста саженей, а затем подыскать подходящее убежище.

Тарс Таркас предложил мне бежать вперед и, если возможно, найти безопасное место. Мысль была хороша, так как таким образом мы могли выиграть несколько драгоценных минут. Поэтому, пустив в ход всю силу своих земных мускулов, я в несколько огромных прыжков достиг скал.

Скалы вздымались перпендикулярно из ровного луга. Не было никакого скопления упавших обломков, которые обычно образуют как бы подъем к скалам. Рассеянные по лугу глыбы, упавшие сверху и наполовину зарытые в дерн, были единственными указателями того, что когда-то здесь происходило смещение этих огромных массивов.

Мой беглый осмотр передней стороны скалы наполнил мое сердце недобрим предчувствием. Нигде на всем протяжении стены, кроме того места, где стоял зловещий глашатай, все еще издававший свой пронзительный крик, не было видно ни одного выступа!

Направо от меня нижняя часть скалы терялась в густой листве леса, который подходил к самому подножию утеса. Огромные деревья поднимались на тысячи футов, и их роскошная листва казалась угрюмой и непрístupней каменной стены.

Налево каменная гряда тянулась, ничем не прерываемая, и терялась в очертаниях высоких горных цепей, которые со всех сторон окаймляли долину.

Приблизительно в тысяче футов от меня вытекала река, как казалось, прямо из-под скалы и, так как в этой стороне не было ни малейшего шанса на успех, то я снова обратил свое внимание на лес.

Скалы возвышались надо мной на добрых пять тысяч футов. Солнечный свет не падал на них, и они казались темно-желтыми. Повсюду виднелись полосы и пятна красного и зеленого цвета и пласты белого кварца.

Они были очень красивы, но боюсь, что в первый свой осмотр я не особенно оценил их прелесть.

Я смотрел на них только как на средство к спасению и, быстро пробегая взглядом по их обширной плоскости в поисках какой-нибудь трещины, я начал их ненавидеть так, как узник ненавидит каменные стены своего каземата.

Тарс Таркас быстро приближался ко мне, и еще быстрее следовала за ним по пятам ужасная орда.

– «Лес или смерть!» – думал я и только собирался жестом пригласить Тарс Таркаса следовать за мной, как солнце вышло из-за скалы и осветило их темную поверхность. Вся она зажглась миллионами золотых, пламенно-красных, мягко-зеленых и белых искр: более роскошного и поразительного зрелища не приходилось видеть человеческому глазу.

Как показало последующее исследование, передняя сторона всей скалистой стены была так испещрена жилами и залежами массивного золота, что казалась сплошной золотой стеной, которая прерывалась только гнездами рубинов, изумрудов и глыбами алмазов. Можно было

себе представить, какие неисчислимые богатства лежали глубоко зарытые за этой великолепной поверхностью!

Но что особенно заинтересовало меня в ту минуту, когда солнечные лучи осветили скалу, было несколько черных пятен, которые отчетливо выступили теперь на сверкающей стене. Они виднелись около верхушек деревьев и, очевидно, продолжались вниз, но были скрыты ветвями.

Это были пещеры, прорезавшие сплошную стену. Они могли бы быть дорогой к спасению или послужить временным убежищем, если только нам удалось бы достигнуть их.

К ним был только один путь: через высокие деревья справа от нас. Я не сомневался, что смогу вскарабкаться на них, но задача эта могла оказаться непосильной для Тарс Таркаса при его большом туловище и огромном весе. Марсиане вообще не умеют лазать – да и не имеют для этого повода. На всей поверхности древней планеты я не видел горы, которая возвышалась бы больше, чем на четыре тысячи футов над высохшим дном умершего моря; при этом склоны бывают обычно отлоги, а если встречаются крутые подъемы, то марсиане предпочитают огибать возвышенности, а не перелезать через них.

Однако другого выхода не было. Нужно было вскарабкаться на деревья, прилегающие к стене, и попытаться достигнуть пещер.

Тарс сразу понял и возможность спасения, и сложность плана, и мы быстро двинулись по направлению к деревьям.

Наши неумолимые преследователи были теперь совсем близко. Казалось полной невозможностью для джеджа тарков достигнуть леса раньше их. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Тарс Таркас делал особые усилия для ускорения своего бега: зеленые люди Барсума не особенно любят «бегство». До этого я даже ни разу не видел зеленого воина, убегающего от смерти, в какой бы форме она ему не угрожала. Но я знал, что Тарс Таркас был храбрейшим среди храбрых: это он доказал тысячу раз в бесчисленных боях против людей и зверей. И я понял, что какая-то другая причина, а не страх смерти, побуждала его искать спасения в бегстве. Точно также и он знал, что сила, большая, чем гордость или честь, заставляет меня бежать от лютых врагов. В моем случае это была любовь – любовь к прекрасной Дее Торис. Но я не мог себе представить причины внезапной привязанности к жизни свирепого тарка: они так часто предпочитают смерть жизни – эти странные, жестокие несчастные люди, не знающие любви.

Наконец мы достигли леса. Как раз позади нас прыгал самый проворный из наших преследователей – гигантский растительный человек, простиравший вперед свои лапы, чтобы присосаться к нам.

Он на сорок саженей перегнал своих ближайших товарищей. Я крикнул Тарс Таркасу, чтобы он взбирался на дерево, пока я справлюсь с преследователем. Этим я хотел дать менее проворному тарку возможность добраться до высоких ветвей, пока вся орда не набросилась на нас и не перерезала путь к спасению.

Но я ошибся в своих расчетах, не приняв во внимание хитрость моего противника и быстроту, с которой его товарищи приближались к нам.

Когда я поднял меч, чтобы нанести чудовищу смертельный удар, оно внезапно остановилось, и мой меч прорезал пустой воздух. В ту же минуту зверь бросился вперед и взмахнул своим огромным хвостом по воздуху с такой силой, что я упал на землю. Сразу же зверь был на мне, но не успел он присосаться своими отвратительными ртами к моей груди, как я крепко схватил извивающиеся щупальца в каждую руку.

Он был силен, но мои земные ловкость и сила давали мне превосходство над ним. Я думаю, что одержал бы победу, если бы мы смогли без помехи продолжить борьбу. Мы боролись под деревом, на которое с трудом карабкался Тарс Таркас. Бросив случайно взгляд через плечо моего противника, я увидел огромную свору преследователей совсем близко от нас.

Теперь, наконец, я смог рассмотреть тех других чудовищ, которые бежали с растительными людьми на зловещий призыв человека, стоящего на скале. Это были самые страшные обитатели Марса – огромные белые обезьяны Барсума!

Мои прежние приключения на Марсе познакомили меня с ними, и я могу сказать, что из всех свирепых, зловещих и необыкновенных обитателей этого странного мира, белые обезьяны одни вызывали во мне чувство, близкое к страху. Я думаю, что причина этого чувства кроется в удивительном сходстве их с нашими земными людьми, что при их огромном росте производит жуткое впечатление.

Они достигают пятнадцати футов и ходят, держась прямо на задних ногах. Подобно зеленым марсианам, у них имеется пара дополнительных рук между верхними и нижними конечностями. Глаза их расположены близко друг к другу, но не выдаются, как у зеленых людей. Уши расположены высоко, но не на макушке, а по бокам головы. Морда и зубы такие же, как у наших африканских горилл. На их голове растет огромный клок щетинистых волос.

Я увидел этих страшных врагов, взглянув через плечо моего противника, а через мгновение был окружен рычащими, визжащими, мурлыкающими и щелкающими страшилищами. Я боролся с нечеловеческими усилиями, чтобы освободиться от тяжести навалившихся на меня тел. Десятка два сильных клыков и острых когтей вонзились в мое тело. Наконец мне удалось встать на ноги. Тогда, держа меч прямо перед собой, я нанес такое опустошение в рядах противника, что на минуту очутился свободным.

Все, что я здесь описал, случилось в несколько секунд, но Тарс Таркас успел заметить мое опасное положение и спрыгнул с ветвей дерева, на которые он взобрался с таким невообразимым трудом. И в то мгновение, когда я отбросил от себя последнего врага из передового отряда, Тарс Таркас стал возле меня, и мы снова начали сражаться бок о бок, как делали это сотни раз.

Снова и снова прыгали на нас разъяренные обезьяны, и каждый раз мы отбивали их своими мечами. Большие хвосты растительных людей с ужасающей силой ударяли вокруг нас; они прыгали над нашими головами с проворством борзых собак. Но каждое нападение встречало блестящее лезвие мечей, находившихся в руках бойцов, которых считали на Марсе самыми искусными: имена Тарс Таркаса и Джона Картера произносились воинами Барсума с особым уважением.

Но даже два лучших меча не могут справиться с целой ордой диких животных, не знающих страха и поражения. Шаг за шагом мы отступали. Наконец мы прислонились к гигантскому дереву, избранному нами для подъема, но так как бешеные атаки все продолжались, то нам пришлось отступить, обходя вокруг исполинского ствола.

Тарс Таркас шел впереди, и, когда мы уже обошли половину ствола, я услышал его радостный возглас:

– Убежище, Джон Картер! Для одного, по крайней мере! – крикнул он.

У основания дерева зияло отверстие фута в три в диаметре.

– Лезь скорее, Тарс Таркас! – вскричал я. Но он отказался, уверяя, что туловище его не пролезет в отверстие, тогда как я свободно проскользну.

– Мы оба умрем, если останемся здесь, Джон Картер, а перед нами шанс к спасению для одного из нас. Воспользуйся им, и, если останешься жив, отомсти за меня! Мне бесполезно даже и пробовать протиснуться в такое узкое отверстие, в то время как на нас насаждает эта орда дьяволов.

– Тогда мы умрем вместе, Тарс Таркас, – ответил я, – потому что я первым не войду. Я буду защищать отверстие, пока ты влезешь, а успею – проскользну за тобой.

Он, наконец, согласился, поскольку это действительно было единственной возможностью для спасения двоих. Число наших противников все увеличивалось. Они продолжали стекаться к нам со всех сторон широкой долины.

– Ты всегда думал о своей жизни в последнюю очередь, Джон Картер! – молвил мой друг, – и всегда распоряжался жизнями и действиями других, даже величайшего из джеддаков!

На его жестоком холодном лице скользнула безобразная улыбка, когда он, величайший из джеддаков повернулся, чтобы повиноваться приказанию существа другого мира – человека, чей рост был наполовину меньше.

– Если ты погибнешь, Джон Картер, – сказал он, – знай, что жестокий и бессердечный тарк, которому ты открыл, что такое дружба, выйдет и умрет рядом с тобой!

– Как хочешь, мой друг, – ответил я, – но теперь живее, головой вперед, пока я буду прикрывать тебя.

Он все еще колебался... Никогда за всю свою долгую жизнь беспрестанной борьбы не поворачивался он спиной к неприятелю!

– Спешу, Тарс Таркас, – торопил я его, – или мы оба бесполезно погибнем. Я один не смогу надолго их удержать.

Когда он опустил на землю, чтобы протиснуться в дупло дерева, вся воющая шайка дьяволов набросилась на меня. Мой сверкающий клинок летал, окрашиваясь то зеленым соком растительных людей, то ярко-красной кровью больших обезьян.

Я сражался так, как еще никогда не сражался. Мои противники были так страшны и бесчисленны, что я не понимаю и теперь, как могли человеческие мускулы выдержать их бешеный натиск и страшную тяжесть огромных тел.

Увидев, что мы можем ускользнуть, орда удвоила свои усилия, чтобы одолеть меня. Вокруг громоздились горы мертвых и умирающих врагов, но свежие силы все притекали, и, наконец, чудовищам удалось свалить меня. Второй раз за этот день враги оказались на мне, и снова я почувствовал на своем теле ужасные присасывающиеся губы.

Но едва я упал, как сильные руки схватили меня за ноги и потащили мое тело в дупло. Огромный растительный человек прочно присосался к моей груди, и все усилия Тарс Таркаса оттащить меня от него были напрасны. Наконец, мне удалось просунуть под него острие меча и нанести ему смертельный удар.

Израженный и окровавленный, тяжело дышал я на земле внутри дерева, в то время как Тарс Таркас защищал отверстие от разъяренной толпы, осаждавшей нас.

Около часа продолжали они выть вокруг дерева. После нескольких неудачных попыток достать нас они решили, очевидно, испугать нас шумом и гамом. Раздались визги, крики, страшное рычание белых обезьян и жуткое мурлыканье растительных людей. Наконец, все ушли, оставив десятка два животных, которые, очевидно, должны были помешать нашему бегству. Вероятно, нам предстояла осада, единственным исходом которой могла быть голодная смерть. Если бы нам даже после наступления темноты удалось выскользнуть из дупла – куда могли мы направиться в этой незнакомой и враждебной долине?

Когда атаки наших врагов прекратились, и глаза наши свыклись с полумраком, я решил исследовать внутренность нашего убежища.

Дерево было пустое на протяжении пятидесяти футов, и по гладкому твердому полу я убедился, что оно часто и до нас служило убежищем. Подняв глаза кверху, я с изумлением заметил высоко над собой слабый проблеск света!

Наверху было отверстие! Если бы мы только могли до него добраться! Мы укрылись бы тогда в одной из пещер в скале. Мои глаза теперь совсем привыкли к сумраку и, продолжая свои исследования, я наткнулся на грубо сколоченную лестницу, находившуюся в заднем углу помещения.

Быстро я вскарабкался по ней. Там, где она кончалась, начинался целый ряд перекладин. Они были проложены поперек ствола, который здесь становился уже и имел вид трубы. Перекладки эти находились на расстоянии трех футов друг от друга и образовывали удобную лестницу.

Спустившись на пол, я сообщил о своем открытии Тарс Таркасу. Он посоветовал мне подняться для исследования как можно выше, пока он будет стеречь вход от нападения.

Я поспешил наверх и нашел, что лестница из горизонтальных перекладин поднималась, насколько хватало глаз. Делалось все светлее и светлее.

Я поднялся на высоту полных ста футов и, наконец, достиг отверстия, пропускающего свет. Оно было такого же диаметра, как дыра у подножия дерева, и выходило на огромный толстый сук, гладкая отполированная поверхность которого доказывала, что им часто пользовались для ходьбы.

Я не отважился пройти по суку: меня могли заметить снизу и отрезать отступление.

Поэтому я снова спустился к Тарс Таркасу, и скоро мы оба начали подниматься по высокой лестнице. Тарс Таркас шел впереди, и, когда я достиг перекладин, я втащил за собой лестницу и передал ее моему товарищу. Он понес ее, и, пройдя около ста футов, укрепил между одной из перекладин и внутренней стеной ствола. Таким же образом я вынимал нижние перекладины по мере того, как проходил по ним, и отрезал путь к преследованию. Позже мы узнали, что эта предосторожность спасла нас от ужасной судьбы и помогла нам спастись.

Когда мы достигли верхнего отверстия, Тарс Таркас отошел в сторону и пропустил меня вперед. Благодаря моему меньшему весу и большей ловкости, я был лучше приспособлен для ходьбы по этому опасному качающемуся суку.

Сук, на котором я очутился, поднимался под небольшим углом по направлению к скале. Я пошел по нему, и увидел, что он заканчивается над узким выступом скалы, который вел в отверстие пещеры.

Когда я приблизился к более тонкому концу ветки, она нагнулась под моей тяжестью. Я осторожно начал раскачиваться на конце ветки, пока она не нагнулась до уровня выступа, на расстоянии двух футов от него.

В пятистах футах подо мной лежал ярко-красный ковер долины; надо мной возвышалась сверкающая стена неприступных утесов!

Пещера, которая была передо мной, была не та, которую я видел снизу – та лежала гораздо выше, может быть, на высоте тысячи футов. Но, насколько я мог судить, эта пещера годилась для наших целей так же, как и другая, а потому я вернулся к дереву за Тарс Таркасом.

Мы вместе начали осторожно пробираться по качающемуся суку, но когда мы двое достигли его конца, оказалось, что отверстие пещеры очутилось высоко над нами, и мы не могли достичь его.

Мы решили, что Тарс Таркас вернется назад, оставив мне свой самый длинный ремень. Когда ветка поднимется до уровня выступа, я должен буду войти в пещеру и втащить Тарс Таркаса на выступ.

План наш удался вполне, и вскоре мы стояли на краю узкого выступа, образующего как бы балкон, а перед нами расстился великолепный вид на долину.

Насколько могло хватить глаз, роскошные леса и ярко-красные поля окаймляли спокойное море, а над всем, как чудовищная стража, возвышались искрящиеся скалы. На мгновение нам показалось, что среди качающихся вершин далеких деревьев возвышается позолоченный купол, блестящий на солнце. Но вскоре мы решили, что это галлюцинация, вызванная желанием найти признаки жилья культурных людей в этой прекрасной и грозной местности.

Под нами на берегу реки большие белые обезьяны пожирали останки павших товарищей Тарс Таркаса, в то время как огромное стадо растительных людей паслось на лугу, траву которого они подрезали лучше всякой косилки.

Зная, что нападение с дерева было теперь невероятным, мы решили исследовать пещеру. Мы имели основание предполагать, что она была продолжением той дороги, которую мы уже прошли. Одни боги знали, куда вел этот путь, но, очевидно, он должен был увести нас от долины ужасов.

Пройдя вперед, мы увидели туннель, пробитый в массивной скале. Он имел двадцать футов вышины и около пяти ширины. Потолок был сводчатый. У нас не было света, и мы ощупью начали пробираться вперед во мраке, который с каждым шагом сгущался. Тарс Таркас держался за одну стену, а я за другую, и кроме того мы держали друг друга за руку, чтобы не разойтись в боковые разветвления и не затеряться в каком-нибудь запутанном лабиринте переходов.

Как долго мы шли таким образом по туннелю, я не знаю, но мы вышли к стене, которая загородила нам путь. Она казалась скорее перегородкой, и была возведена не из скалистой массы, а из какого-то другого материала, который на ощупь казался твердым деревом.

Я молча принялся ощупывать в темноте поверхность стены, пока наконец не наткнулся на кнопку, которая на Марсе обыкновенно заменяет наши дверные ручки.

Осторожно я нажал кнопку и с удовольствием заметил, что дверь медленно открылась перед нами, и мы увидели перед собой тускло освещенное помещение, которое, насколько мы могли видеть, было пустое.

Я молча распахнул дверь и шагнул в комнату. Тарс Таркас последовал за мной. С минуту мы стояли молча, озираясь, как вдруг легкий шум позади нас заставил меня быстро оглянуться. К моему изумлению я увидел, что дверь с легким треском закрылась, как бы захлопнулась невидимой рукой.

Немедленно подскочил я к двери, чтобы постараться открыть ее снова. В жутком движении двери и в напряженном тяжелом безмолвии комнаты было что-то угрожающее и злое.

Но напрасно мои пальцы царапали неподдающуюся дверь, напрасно глаза мои искали кнопку, посредством которой можно было бы открыть ее. И внезапно в пустой комнате, скрытой в недрах золотой скалы, прозвучал жестокий и насмешливый смех.

3. Таинственная комната

Мы долго стояли с Тарс Таркасом в напряженном ожидании. Смех давно перестал звучать, ни один звук не нарушал молчания, и ничто не шелохнулось перед нами. Наконец Тарс Таркас засмеялся, как смеются отважные люди его племени в присутствии чего-нибудь страшного и угрожающего.

Сколько раз я видел, как они надрывались от безумного хохота при виде смертельной агонии женщин и маленьких детей, погибающих на арене во время адских марсианских празднеств – великих зрелищ!

Я взглянул на тарка с улыбкой на губах. Правда, лучше было улыбаться, чем дрожать от страха.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил я его. – Где мы, черт побери?

Он изумленно взглянул на меня.

– Где мы? – повторил он. – Разве ты не знаешь, где мы находимся?

– Я знаю только, что я на Барсуме, да и то, если бы не ты и не большие белые обезьяны, я никогда не отгадал бы этого, потому что все, что я видел сегодня, так же мало похоже на мой милый Барсум, каким я знал его десять лет назад, как на тот мир, откуда я родом. Нет, Тарс Таркас, я не знаю, где мы!

– Где же ты был с того дня, когда открыл тяжелые двери атмосферной фабрики после того, как ее зритель умер и все машины остановились? Твое тело нигде не было найдено, а люди всего света искали тебя в продолжении многих лет: джедак Гелиума и его внука, твоя принцесса, предлагали за это такую баснословную награду, что все джедаки и джеды участвовали в этих поисках!

Когда все поиски оказались бесплодными, осталось предполагать, что ты отправился в последнее странствие к таинственной реке Исс, чтобы там, в долине Дор на берегах мертвого озера Корус ожидать прекрасную Дею Торис, твою принцессу. Но зачем ты ушел – было непонятно, ведь Дея Торис была жива.

– Она жива?! – прервал я его. – Я не решался спросить у тебя об этом. Я так боялся, что не успел спасти ее: она была без сознания, когда я покинул ее в дворцовом саду Тардос Морса в ту давно прошедшую ночь. Я опасался даже, что ее дух отлетит прежде, чем я успею достичь атмосферной фабрики. Она жива и теперь?

– Она жива, Джон Картер!

– Но ты мне еще не сказал, где мы находимся, – напомнил я ему.

– Мы там, где я надеялся встретить тебя, Джон Картер, тебя и другую. Много лет тому назад ты слышал историю женщины, научившей меня чувству, которое зеленые марсиане приучены ненавидеть с детства: она научила меня любить. Ты знаешь, что ее любовь навлекла на нее жестокие пытки и страшную смерть от руки этого мерзавца Тал Хаджуса.

Я верил, что она ожидает меня у мертвого озера Корус. Кроме нее, мне был дорог еще один человек – ты, Джон Картер, научивший свирепого тарка дружбе. И я думал, что ты тоже бродишь по долине Дор.

Вас обоих я больше всего жаждал видеть в конце того длинного странствия, которое мне предстояло. Время шло, а ты все не возвращался к Дее Торис, которая утешалась мыслью, что ты только временно вернулся на свою планету. Наконец, я решил отправиться в последний путь. Месяц тому назад я вышел из Тарка, а сегодня ты был свидетелем конца путешествия. Понимаешь ли ты теперь, где мы находимся?

– Так значит, это река Исс, несущая свои воды в мертвое озеро Корус в долине Дор? – спросил я.

– Это долина любви, мира и покоя, к которой с незапамятных времен стремится каждый житель Барсума в конце своей кровопролитной жизни, полной ненависти и борьбы. Это наш рай! – ответил Тарс Таркас.

Тон его был иронический и холодный. Горечь его слов слабо выражала то ужасное разочарование, которое он испытал. Я положил руку ему на плечо.

– Мне очень жаль, – сказал я, не находя других слов.

– Подумай только, Джон Картер, о тех бесчисленных миллионах барсумцев, которые с начала мира добровольно отправлялись к этой жестокой реке, чтобы попасть в свирепые лапы тех отвратительных чудовищ, которые напали на нас сегодня!

Существует старинная легенда о красном человеке, который вернулся однажды с берегов мертвого озера Корус, вернулся из долины Дор по таинственной реке Исс. В легенде говорится, что он рассказал о страшных животных, населяющих долину изумительной красоты, о животных, которые набрасываются на каждого барсумца в конце его странствия и пожирают его на берегах мертвого озера, где он надеялся найти любовь, мир и счастье. Но люди приняли его слова за богохульство и убили его, как велит обычай, потому что каждый вернувшийся с берегов таинственной реки должен умереть.

Но теперь мы знаем, что рассказ этого человека не был богохульством, что легенда – быль и, что красный человек рассказал только то, что видел. Положим, что нам это мало поможет, Джон Картер, потому что, если бы даже нам удалось спастись, с нами поступили бы точно так же, как с богохульниками. Мы находимся между диким тотом и бешеным цитидаром – спасения нет!

– Или, как говорят у нас в Виргинии, между чертом и пропастью, – ответил я и не смог не улыбнуться.

– Нам не остается ничего другого, как ждать, что будет. Во всяком случае, у нас остается удовлетворение – знать, что с нами покончить нелегко. Кто бы ни был тот, кто захочет отнять нашу жизнь, белая ли обезьяна, растительный ли человек, зеленый или красный барсумец, он узнает, как дорого стоит жизнь Джона Картера, члена семьи Тардос Морса, и Тарс Таркаса, джедака тарков.

Я рассмеялся, и он тоже присоединился ко мне в одном из тех редких припадков истинного веселья, которые отличали его от соплеменников.

– Но ты, Джон Картер? – вскричал он наконец. – Если ты не был здесь все эти годы, где же ты пропадал, и как попал сегодня сюда?

– Я был на Земле, – ответил я. – Десять долгих земных лет я молился и верил, что наступит день, когда я снова буду отнесен на вашу угрюмую старую планету, к которой, несмотря на всю жестокость обычаев, я более привязан, чем к миру, в котором родился.

Десять лет продолжалась мука ожидания, мука хуже смерти, десять лет терзали меня сомнения, жива ли Дея Торис. И вот теперь, когда в первый раз мои молитвы были услышаны, мои сомнения рассеяны, по жестокой насмешке судьбы я оказался заброшенным в единственное место на всем Марсе, откуда, очевидно, нет спасения. Да если бы оно даже и было, нет надежды, что я смогу когда-нибудь увидеть мою принцессу в этом мире.

Всего за полчаса до того, как я увидел тебя сражающимся с растительными людьми, я стоял, освещенный луной, на берегу широкой реки в одном из благословенных уголков Земли. Я ответил тебе, мой друг. Веришь ты мне?

– Верю, – ответил Тарс Таркас, – хотя и не могу понять.

Во время нашего разговора я осмотрел комнату. Она была футов в двести длиной и во сто шириной; в середине стены, противоположной той, через которую мы прошли, тоже была дверь.

Помещение было высечено в скале, и при тусклом свете радиоиллюминатора, находящегося в центре потолка, стены тускло блестели, как темное золото. Повсюду на стенах и потолке

сверкали полированные рубины, изумруды и алмазы. Пол был из другого материала, очень твердого, и от долгого употребления был отполирован, как стекло. Кроме двух дверей не было никакого признака другого выхода, и так как одна дверь была закрыта, то я направился к другой.

Когда я протянул руку, чтобы найти кнопку, снова раздался тот же жестокий насмешливый смех, на этот раз так близко от меня, что я невольно отшатнулся и схватился за рукоятку меча.

В это время из дальнего угла большой комнаты глухой голос пропел:

– Здесь нет надежды! Мертвым нет возврата! Воскресения нет! Не надейся, потому что здесь нет надежды!

Хотя наши глаза немедленно повернулись к тому месту, откуда, казалось, раздавался голос, там никого не оказалось. Должен признаться, что холодная дрожь пробежала по моей спине, и короткие волосы на голове поднялись дыбом так, как поднимается шерсть собаки, когда ночью она видит таинственные вещи, скрытые от людского взора.

Я быстро направился по направлению к зловещему голосу, но он замолк раньше, чем я достиг стены, а в это время из другого угла комнаты раздался другой пронзительный и резкий голос:

– Глупцы! Глупцы! – визжал он. – Думаете ли вы презреть законы жизни и смерти? Хотите ли вы отнять у таинственной Иссы, богини смерти, то, что ей принадлежит по праву? Разве ее могущественный вестник, древний Исс, не принес вас по вашей собственной просьбе в долину Дор?

Думаете ли вы, глупцы, что Исса откажется от своей собственности? Думаете ли вы спастись из этого места, откуда за все века спаслась лишь одна единственная душа?

Идите обратно той дорогой, которой пришли, идите к милосердным лапам детей дерева жизни или к блестящим клыкам больших белых обезьян; там ждет вас скорое освобождение от страданий. Но если вы останетесь при своем дерзком намерении пробиться сквозь золотые скалы горы Оц, захотите пройти укрепления неприступных крепостей святых жрецов, то вас настигнет такая ужасная смерть, что даже святые жрецы, постигшие жизнь и смерть, отвратят глаза от ее дьявольской злобы и закроют уши, чтобы не слышать воплей ее жертв.

Вернитесь, о, глупцы, той дорогой, которой пришли!

И снова из другого конца комнаты раздался леденящий кровь хохот.

– В высшей степени странно, – заметил я, обращаясь к Тарс Таркасу.

– Что нам делать? – сказал он. – Мы не можем сражаться с пустым воздухом. Я предпочитаю вернуться и очутиться лицом к лицу с настоящим врагом. Я вонжу в его тело свой меч и буду знать, что дорого продам свою жизнь, прежде чем перейти в то вечное забвение, которое, по-видимому, единственное будущее смертного!

– Если, как ты говоришь, мы не можем сражаться с пустым воздухом, – ответил я, – то ведь и пустой воздух не может сражаться с нами! Я, который в своей жизни побеждал тысячи сильных воинов, не испугаюсь ветра, так же, как и ты, Тарс Таркас!

– Но невидимые голоса могут исходить от невидимых существ, владеющих невидимым оружием, – возразил зеленый воин.

– Глупости, Тарс Таркас! – вскричал я. – Эти голоса исходят от существ таких же реальных, как ты или я. В их жилах течет живая кровь, которую так же легко выпустить, как и нашу. То, что они не показываются нам, лучшее, по-моему, доказательство того, что они смертные, да и к тому же не чересчур храбрые смертные. Неужели ты думаешь, Тарс Таркас, что Джон Картер убежит от первого крика трусливого врага, который не осмеливается выходить, боясь моего меча?

Я нарочно произнес эти слова очень громко, чтобы наши устрашители услышали меня. Мне уже начинала надоедать эта история, действующая на нервы. Мне пришло в голову, что

все это было затеяно с целью прогнать нас обратно в долину смерти, откуда мы спаслись, и где с нами живо справились бы дикие звери.

Долгое время царило молчание. Затем мягкий крадущийся звук позади меня заставил меня обернуться, и я увидел огромного многоногого бенса, подкрадывающегося ко мне.

Бенс – хищное животное, наподобие нашего льва, который скитается среди низких холмов, окружающих высохшие моря Марса. Как почти все марсианские животные, он лишен волос, и только на толстой шее его растет длинная щетинистая грива.

Его длинное гибкое тело поддерживается десятью сильными лапами; огромные челюсти снабжены, наподобие челюстей калота, марсианской собаки, несколькими рядами длинных острых клыков. Его огромная пасть раскрывается до самых ушей, а большие зеленые глаза навыкате придают этому чудовищу еще более страшный вид.

Подкрадываясь ко мне, зверь бил сильным хвостом о свои могучие желтые бедра. Видя, что я заметил его, он испустил ужасающее рычание, которым он часто парализует добычу.

Он кинулся на меня, но его грозный голос не испугал меня, и вместо нежного мяса, которого ожидала разинутая пасть, его встретила холодная сталь.

Минуту спустя сердце барсумского льва уже не билось. Вытащив из него меч, я обернулся к Тарс Таркасу и с удивлением увидел, что перед ним стояло такое же чудовище.

Не успел он справиться со своим, как я, побуждаемый внутренним инстинктом, обернулся в другую сторону, и увидел другого обитателя марсианских пустынь, готового прыгнуть на меня.

С этой минуты в продолжение более получаса одно страшилище за другим набрасывались на нас, выпрыгивая как будто из пустого воздуха!

Тарс Таркас мог быть доволен! Здесь было нечто вполне осязаемое, что он мог рубить и колоть своим огромным мечом. Могу сказать, что и я со своей стороны находил это развлечение гораздо более приятным, чем жуткие голоса невидимых губ.

Что в наших врагах не было ничего сверхъестественного, доказывалось их криками ярости и боли, когда острый клинок перерубал им позвоночник, и потоки настоящей крови струились из их ран.

Я заметил, что звери появлялись только за нашей спиной. Мы ни разу не видели ни одного, который действительно материализовался бы перед нами из воздуха. И так как я ни на минуту не потерял способности рассуждать, то был уверен, что звери появляются в комнате через какую-нибудь потайную, хитро придуманную дверь.

Среди украшений, висевших на кожаных латах Тарс Таркаса, – единственной одежды марсиан – висело небольшое зеркальце. Оно блестело на его широкой спине между плечами и талией.

И вот, когда он встал, глядя на только что сраженного противника, мой взгляд случайно упал на это зеркальце, и на блестящей поверхности его я увидел нечто, заставившее меня прошептать:

– Стой, Тарс Таркас! Стой и не двигай ни одним мускулом.

Он ничего не спросил у меня, а стоял, как каменная статуя, в то время как я следил за отражением того, что так много значило для нас.

Я увидел в зеркале, как часть стены за нами отодвинулась. Она вертелась на оси, и вместе с ней двигалась часть пола. Все было так хорошо пригнано, что при тусклом освещении комнаты нельзя было различить ни одной трещины.

Когда стена сделала поворот, я увидел большого зверя, сидящего на той части пола, которая была за стеной комнаты. Но когда весь оборот был сделан, зверь оказался на нашей стороне. Это было очень просто!

Но меня еще больше заинтересовало то, что я увидел сквозь отверстие, когда стена сделала поворот. Я разглядел большую комнату, хорошо освещенную, в которой несколько

мужчин и женщин были прикованы к стене. Впереди них стоял человек с жестоким лицом, который, очевидно, управлял механизмом секретной двери. Он был не красный, как красные люди Марса, не зеленый, как Тарс Таркас, а белый, как я, с густой гривой развевающихся желтых волос.

Пленники за ним были красные марсиане. Вместе с ними были прикованы несколько диких животных вроде тех, какие были выпущены на нас, и другие, не менее страшные.

Когда я повернулся к своему другу, на душе моей было уже легко.

– Следи за стеной в твоём конце комнаты, Тарс Таркас, – предупредил я его. – Они выпускают на нас зверей через потайные двери.

Я стал совсем рядом с ним и говорил ему шепотом, чтобы наши мучители не догадались, что их секрет открыт.

Все время, пока мы стояли лицом к противоположным концам комнаты, никакого нового нападения на нас не было произведено. Поэтому мне стало ясно, что стены каким-то образом пробуравлены так, что за нашими действиями можно следить.

Наконец мне в голову пришел план действий. Я прислонился спиной к спине Тарс Таркаса и тихим шепотом познакомил его с этим планом, не отрывая однако глаз со стены, находящейся передо мной. Великий тарк проворчал согласие на мое предложение и начал задом пятиться к той стене, на которую я смотрел, в то время как и я медленно к ней приближался.

Когда мы дошли на расстояние десяти футов от потайной двери, я шепнул Тарс Таркасу, чтобы он остановился. Предупредив его, чтобы он стоял абсолютно спокойно, пока я не подам условного сигнала, я быстро повернулся спиной к двери, сквозь которую почти чувствовал устремленные на нас глаза нашего злобного палача.

Я немедленно уставился в зеркало, висевшее на спине Тарс Таркаса, и с напряженным вниманием следил за той частью стены, которая уже выпустила на нас столько кошмарных чудовищ. Вскоре я увидел, как золотая поверхность быстро начала приходить в движение. Я немедленно дал знак Тарс Таркасу и прыгнул в отступающую половину вращающейся двери. Таким же образом повернулся и он и тоже прыгнул в отверстие, образовавшееся от вращения стены.

Я очутился в соседней комнате лицом к лицу с человеком, которого уже видел. Он был приблизительно моего роста, с сильными мускулами и в мельчайших деталях походил на людей Земли.

На поясе у него висели меч, шпага, кинжал и один из тех страшных радио-револьверов, которые обычны на Марсе.

Я был вооружен одним мечом, а потому согласно боевым обычаям и этике Марса, враг мой мог меня встретить только подобным же оружием или меньшим. Но, очевидно, этот молодец мало считался с моральными законами, и не успел я очутиться рядом с ним, как он выхватил свой револьвер. Удар моего меча вышиб револьвер из его рук. Тогда он схватился за меч, и мы вступили с ним в смертельный бой.

Он был удивительным бойцом, по-видимому, очень тренированным, между тем, как я в течение десяти лет не держал меча в руке. К счастью, я быстро освоился с этим оружием, и через несколько минут мой противник заметил, что он имеет перед собой равного себе противника.

Его лицо подернулось мертвенной бледностью от ярости, когда он увидел, что я неуязвим, между тем, как кровь струилась по его лицу и телу из десятка мелких ран.

– Кто ты, белый человек? – прошептал он. – По цвету твоей кожи видно, что ты не житель внешнего мира Барсума, а вместе с тем ты и не наш!

Последняя фраза звучала почти, как вопрос.

– А что если я из храма Иссы? – рискнул я спросить наудачу.

– Да смилуется судьба! – воскликнул он, побледнев еще больше.

Его ответ доказывал, что я мог быть из храма Иссы и, что такой храм существовал и в нем были люди, подобные мне. Мой противник или боялся силы обитателей храма, или же он так почитал их, что дрожал при мысли о своей дерзости.

Впрочем, мне было не до рассуждений! Мне нужно было во что бы то ни стало всадить ему между ребер мой меч, и это мне наконец удалось!

Прикованные пленники следили за нашим поединком в глубоком молчании. Ни одного звука не раздалось в комнате, кроме звона мечей, мягкого шарканья наших босых ног и немного слов, которыми мы обменялись шепотом, сквозь стиснутые зубы.

Но как только тело моего противника безжизненной массой рухнуло на пол, у одной из пленниц вырвался предостерегающий крик.

– Обернись назад! Берегись! – закричала она.

При первом же звуке ее пронзительного голоса я оглянулся и увидел перед собой второго человека той же расы, как тот, который лежал у моих ног.

Он крался ко мне из темного коридора и уже занес надо мной меч. Тарс Таркаса нигде не было видно, и секретная панель, через которую я пришел, была закрыта.

Как я желал в ту минуту, чтобы мой друг был со мной! Я почти непрерывно сражался в течение уже многих часов. Я прошел через столько испытаний, пережил столько потрясений, что это должно было подорвать мои жизненные силы. К тому же я не ел и не спал целые сутки.

Я был утомлен вконец, и в первый раз за многие годы спрашивал себя, в состоянии ли я справиться с новым противником. Но другого выхода не было. Нужно было кинуться в бой и как можно быстрее и яростнее. Единственным моим спасением было бы сбить его с ног стремительным натиском. Я не мог надеяться выдержать длительный бой.

Но мой противник, очевидно, был другого мнения. Он отступал, парировал, отскакивал в сторону и вновь наступал, пока, наконец, силы мои не истощились совершенно. Он был необычайно искусным бойцом, еще более искусным, чем мой предыдущий противник, и я должен сознаться, что он здорово загонял меня и чуть не прикончил.

Я чувствовал, как силы мои уходят, перед глазами колеблется какой-то туман, я шатался, спотыкался, делал частые промахи. Тогда-то он привел в исполнение свой хитрый замысел, который едва не стоил мне жизни.

Наступая на меня, он заставил меня пятиться, пока я не очутился перед телом его мертвого товарища. Тогда он ринулся на меня с такой неожиданной силой, что я, желая перешагнуть через труп, споткнулся и упал навзничь.

Моя голова со стуком ударилась о твердый пол, и, как ни странно, этому обстоятельству я и обязан своей жизнью. Удар прояснил мой мозг, а боль вызвала бешеную злобу. В эту минуту я был готов голыми руками разорвать врага, и, я думаю, что сделал бы это, если бы моя правая рука при попытке подняться с пола не нащупала холодный металл.

Не глядя, я уже знал, что в моем распоряжении револьвер убитого человека. Мой противник подскочил ко мне, направляя конец своего блестящего клинка прямо в сердце. С его губ сорвался жестокий насмешливый хохот, который я слышал внутри таинственной комнаты.

С этой злобной, полной ненависти усмешкой на тонких губах, он и умер, когда его сразила пуля револьвера.

Его тело свалилось на меня. Вероятно, при падении рукоятка его меча ударила меня по голове, потому что я потерял сознание.

4. Тувия

Меня привел в себя шум борьбы. В первую минуту я никак не мог сообразить, где нахожусь и откуда доносятся звуки. Прислушавшись, я понял, что борются за стеной, рядом с которой я лежал. Можно было различить шарканье ног, звериное рычание, звон оружия и тяжелое дыхание человека.

Встав на ноги, я быстро огляделся в комнате, в которой встретил такой теплый прием. Пленники и дикие животные были прикованы к противоположной стене, и их глаза, устремленные на меня, выражали любопытство, мрачную ярость, изумление и надежду.

Последнее чувство ясно отразилось на красивом и одухотворенном лице красной марсианки, которая спасла мне жизнь своим предупреждающим криком. Она была типичной представительницей этой прекрасной высшей марсианской расы, которая по внешности очень близка к белой расе земных людей, за исключением того, что цвет кожи у них имеет медно-красный оттенок. На ней не было никаких украшений, и поэтому я не мог установить, каково было ее положение в жизни. В настоящее время, очевидно, она была пленницей или рабыней.

Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался о том, что означают звуки, доносившиеся из-за стены. Это, наверно, Тарс Таркас! Он, очевидно, отчаянно борется с дикими животными или с дикими людьми.

Издав ободряющий крик, я всей тяжестью навалился на потайную дверь, но так же безрезультатно, как если бы пытался сдвинуть скалу. Я лихорадочно принялся искать механизм вертящейся панели, но все мои поиски были бесплодны. Я занес уже меч, намереваясь пробить золотую стену, как голос молодой пленницы остановил меня:

– Сбереги свой меч, славный воин, он еще пригодится тебе! Не разбивай его о крепкий металл, который без труда поддается легкому нажиму руки человека, знающего секрет двери.

– Знаешь ли ты этот секрет? – спросил я.

– Да! Освободи меня, и я пропущу тебя в комнату ужасов, если ты этого пожелаешь. Ключи от моих оков ты найдешь на первом враге, убитым тобой. Но зачем ты хочешь идти обратно? Ты снова очутишься лицом к лицу со свирепым бенсом или с другим чудовищем, которого они выпустили в эту страшную ловушку.

– Мой друг сражается там один, – ответил я, лихорадочно ища ключи на теле мертвого сторожа этой мрачной ужасной комнаты.

На овальном кольце висело много ключей, но прекрасная марсианка быстро выбрала тот, который открыл большой замок у ее пояса и поспешила к секретной панели.

Она снова выбрала ключ на овальном кольце. На этот раз это была тонкая штучка, наподобие иглы, которую она всунула в почти незаметную скважину в стене. Дверь немедленно повернулась на оси, и смежная с ней часть пола, на которой я стоял, очутилась вместе со мной в комнате, где сражался Тарс Таркас.

Великий тарк прислонился спиной к одному из углов, а вокруг него полукругом стояли с полдюжины огромных чудовищ, ожидавших удобного случая к нападению. Их головы, залитые кровью, их окровавленные плечи свидетельствовали об их неосторожности и об искусстве зеленого воина. Тело моего друга тоже носило красноречивые следы лютого нападения, которому он подвергался.

Острые когти и жестокие клыки буквально разодрали в клочья его ногу, руку и грудь. Он так ослабел от потери крови и ужасного напряжения, что, не прислонись он к стене, вряд ли был бы в состоянии стоять. Но он все же продолжал смотреть на своих свирепых врагов с упорством и непреклонным мужеством людей своей расы. Он казался олицетворением старинной поговорки его племени, которая гласит: «Оставь тарку голову и одну руку, и он сумеет победить!»

Мой приход вызвал радостную улыбку на его лице, испещренном царапинами. Улыбка могла означать удовольствие, или просто ему стало смешно при виде моего окровавленного, всклокоченного вида.

Я приготовился уже вмещаться в борьбу и поднял меч, когда нежная рука опустилась на мое плечо. Обернувшись, я к своему удивлению увидел, что молодая девушка последовала за мной в комнату.

– Постой, – прошептала она, – я справлюсь с ними сама, – и, оттолкнув меня, она приблизилась, беззащитная и невооруженная, к ворчащим бенсам.

Подойдя совсем близко, она произнесла тихим, но решительным тоном одно слово. С быстротой молнии обернулись к ней огромные животные, и я замер от ужаса, ожидая, что они разорвут ее в клочья. Но вместо этого, звери подползли к ее ногам, как щенята, ожидающие заслуженного наказания.

Она снова сказала им что-то, но так тихо, что я не мог ничего расслышать, и затем направилась к противоположному углу комнаты с шестью огромными чудовищами, следовавшими за ней по пятам. Одного за другим она вывела их через секретную панель в смежную комнату и, когда последний исчез из комнаты, она обернулась к нам, улыбнулась, посмотрев на наши растерянные лица, вышла, оставив нас одних. С минуту мы молчали. Затем Тарс Таркас сказал:

– Я слышал шум борьбы за стеной, через которую ты прошел, но я не боялся за тебя, Джон Картер, пока не раздался револьверный выстрел. Я знал, что на всем Барсуме нет человека, который бился бы с тобой холодным оружием и остался бы жив. Но этот выстрел совершенно лишил меня надежды: я ведь знал, что у тебя не было револьвера. Расскажи, что случилось?

Я исполнил его просьбу, и затем мы вместе принялись искать секретную панель, через которую я только что вошел. Она, я знал это, лежала против той двери, через которую девушка вывела своих диких спутников.

Но, к нашему разочарованию, панель не поддавалась никаким усилиям. Если бы мы очутились за ней, мы могли бы надеяться каким-либо образом выбраться. Пленники были прикованы – это доказывало, что был какой-то выход, через который можно было спастись от страшных существ, населяющих этот ад.

Мы несколько раз переходили от одной золотой двери к другой – и все без успеха. Отчаяние охватило нас. Мы уже отказались от всякой надежды, когда вдруг одна из панелей бесшумно повернулась, и в комнате появилась та же молодая девушка, которая вывела бенсов.

– Кто вы, – спросила она, – дерзающие искать спасения из долины Дор и от смерти, которую вы выбрали?

– Я не выбирал смерти, девушка, – возразил я. – Я не с Барсума, и я не предпринял добровольного паломничества к реке Исс. Мой друг, джеддак всех тарков, еще не выразил желания вернуться в живой мир, но я все же возьму его с собой. Я спасу его от той лжи, которая завлекла его в это страшное место!

Сам я – человек другого мира. Я – Джон Картер, член семьи Тардос Морса, джеддака Гелиума. Быть может, случайно, какой-нибудь слух обо мне и достиг пределов вашего адского обиталища.

Она улыбнулась.

– Да, – ответила она, – все, что происходит в мире, покинутом нами, известно нам. Я слышала о тебе много лет тому назад. Жрецы часто удивлялись, куда ты мог убежать: тебя не могли найти на всем Барсуме, а паломничество к реке Исс ты тоже не предпринимал.

– А теперь скажи мне, – спросил я, – кто ты? Ты кажешься пленницей, однако твоя власть над дикими зверями этих мест вряд ли была бы дана рабыне.

– И все же я рабыня, – ответила она. – Уже целых пятнадцать лет я нахожусь в рабстве в этом ужасном месте, но теперь я им надоела. Они боятся меня, потому что я знаю их тайны. Недавно они приговорили меня к смерти.

Она содрогнулась.

– К какой смерти?

Она ответила:

– Святые жрецы употребляют мясо людей, умерших под высасывающими губами растительных чудовищ. Они едят мясо, из которого выкачана кровь. К такой смерти я и была приговорена. Это должно было случиться сегодня. Ваш приход помешал им.

– Значит, я прикончил двух святых жрецов? – спросил я весело.

– О, нет! Те, которых ты убил, были младшими жрецами, но они принадлежат к той же жестокой и злобной расе. Святые жрецы живут на внешних скатах этих мрачных гор, на скатах, обращенных к миру, поставляющему им жертвы.

Целый лабиринт коридоров соединяет эти пещеры с роскошными дворцами святых жрецов. Через эти коридоры проходят младшие жрецы, многочисленные рабы, пленники, дикие звери – все мрачные обитатели нашего бессолнечного мира.

В этой огромной сети извилистых переходов и бесчисленных комнат живут мужчины, женщины и звери, которые родились в этом мрачном подземном мире, никогда не видели дневного света – и никогда не увидят его.

Они служат для исполнения приказаний жрецов: доставляют им развлечение и пищу. Время от времени какому-нибудь злополучному пленнику удастся спастись от растительных людей и больших белых обезьян, которые оберегают храм Иссы, но спастись только для того, чтобы попасть в безжалостные когти жрецов. Иногда, как это было со мной, святой жрец, стоящий на страже на высоком уступе в том месте, где река вытекает из-под Золотых Скал, избирает себе жертву, которая ему чем-либо понравилась.

Все попавшие в долину Дор, отдаются растительным людям и большим белым обезьянам, только их руки и украшения по обычаю передаются жрецам. Но если кому-нибудь хоть на несколько часов удастся спастись от страшных обитателей долины, то он делается полной собственностью жрецов.

Говорят, что случайно, иногда, какой-нибудь обманутой жертве барсумских предрассудков удастся спастись от бесчисленных врагов, которые подстерегают ее на всем пути до того самого момента, как она выходит из подземного перехода, по которому на протяжении тысячи миль течет Исс. Иногда такой жертве удастся добраться до стен храма Иссы. Что случается с ней тогда – неизвестно. Даже святые жрецы не знают, какая судьба ожидает человека, проникшего в храм, потому что из тех, кто вошел в него, никто назад не вернулся.

Храм Иссы для жрецов то же самое, что долина Дор для остальных жителей Барсума. Он представляется им убежищем высшего мира, покоя и счастья, куда они надеются перейти после этой жизни и где их ждет вечность среди тех плотских наслаждений, которые считаются высшим блаженством у этой умной, но развращенной расы.

– Значит, как я понимаю, храм Иссы – это как бы рай в раю, – сказал я. – Будем надеяться, что святые жрецы будут там встречены так же приветливо, как они встречают здесь свои жертвы.

– Кто знает? – прошептала девушка.

– Судя по тому, что ты рассказала, эти жрецы – такие же смертные, как и мы. И однако, с каким благоговением говорят о них на Барсуме! И чтут, как богов.

– Жрецы смертны, – ответила она. – Те из них, которые не доживают до назначенного им жизненного предела – до тысячи лет – могут умереть от тех же причин, что ты или я. После этого предела они, в силу обычая, отправляются в свой последний путь через длинный туннель, который ведет к Иссе.

– Говорят, что те, которые умирают не достигнув тысячи лет, воплощаются на время в образ растительных людей. В этом образе они доживают до своего предела. Вот почему расти-

тельные люди священны для жрецов. Они верят, что каждое из этих ужасных созданий было когда-то жрецом.

– А если растительный человек умирает? – спросил я.

Если он умирает до истечения тысячи лет, считая со дня рождения жреца, то душа его переходит в большую белую обезьяну. Но если эта обезьяна умрет до истечения срока, то душа гибнет навеки и переходит в тело одного из липких силианов (пресмыкающееся животное, род земного крокодила), которые тысячами извиваются в безмолвных водах озера Корус при свете луны, когда солнце заходит, и странные тени бродят по долине Дор.

– Мы сегодня отправили немало святых жрецов к силианам, – сказал, смеясь, Тарс Таркас.

– Потому то вас и ожидает самая страшная смерть, – промолвила девушка, – и она наступит – вы не сможете спастись никак.

– Один человек спасся несколько сот лет назад, – напомнил я ей. – Что удалось раз, может, удастся и теперь.

– Не стоит даже и пытаться, – ответила она безнадежно.

– А мы все-таки попытаемся! – вскричал я, – и ты пойдешь с нами, если этого захочешь.

– Чтобы меня убил мой собственный народ и чтобы память обо мне была позором для моей семьи и для всего племени? Ты должен был бы подумать, прежде чем предлагать мне это!

Тарс Таркас слушал в глубоком молчании. Я чувствовал, что взгляд его устремлен на меня. Я знал, что он ожидал моего ответа с таким же напряжением, как подсудимый ожидает чтения своего приговора из уст судьи. То, что я посоветую девушке – будет нашим общим уделом. Если я склонюсь на сторону неумолимого векового суеверия – мы все должны будем примириться с нашей судьбой, остаться и без борьбы ожидать ужасной смерти.

– Мы имеем право спастись, если нам это удастся, – ответил я. – Наше нравственное чувство не будет оскорблено, потому что мы знаем, что сказочная жизнь в благословенной долине Дор – злостная выдумка. Мы знаем, что долина не священна, мы знаем, что святые жрецы не святые, что они жестокие и бессердечные смертные, знающие о вечной жизни не больше нас.

Приложить все усилия к спасению – не только наше право, но и наш священный долг, долг, перед которым мы не смеем отступить, даже если бы мы знали, что нас ожидают брань и пытки со стороны нашего народа, когда мы к нему вернемся.

Ведь только так мы сможем открыть истину людям внешнего мира! Я прекрасно сознаю, что наш рассказ, вряд ли вызовет доверие – люди так крепко держатся за свои глупые суеверия! – но мы были бы жалкими трусами, если бы отступили от долга, который лежит перед нами.

К тому же мы имеем шанс, что свидетельству нескольких лиц поверят скорее, может быть, даже согласятся отправить экспедицию для исследования этой страшной пародии рая.

Девушка и зеленый воин некоторое время стояли молча, погруженные в глубокое раздумье. Девушка первой прервала молчание.

– Я никогда еще не рассматривала свое спасение с этой точки зрения, – промолвила она задумчиво. – Я готова отдать свою жизнь тысячу раз, если бы спасла этим хоть одну душу от ужасной жизни, которую я здесь вела! Да, ты прав! Я пойду за тобой, хотя и сомневаюсь, что нам удастся спастись.

Я вопросительно взглянул на тарка.

– Куда бы Джон Картер ни повел меня – к врагам ли храма Иссы или на дно Коруса, к снегам севера или к снегам юга – Тарс Таркас последует за ним!

– Идемте же немедленно! – воскликнул я. – Мы должны отправиться, потому что не может быть спасения в сердце этой горы и в четырех стенах этой комнаты смерти.

– Идемте, – повторила девушка, – но не льсти себя надеждой: на территории жрецов нет места хуже, чем это!

С этими словами она повернула секретную панель, которая отделяла нас от того помещения, где я ее нашел и где находились другие пленные.

Их было всего десять красных марсиан, мужчин и женщин. В кратких словах объяснили мы им наш план. Они решили идти за нами, хотя было видно, что трепещут при мысли так искушать судьбу и идти наперекор древнему суеверию. Между тем все они на своем горьком опыте знали, как лгала им старая вера, как нагло обманывали их святые жрецы.

Тувия, девушка, которую я освободил первой, очень скоро освободила и других. Тарс Таркас и я сняли с тел убитых жрецов их оружие, которое состояло из мечей, кинжалов и двух револьверов самого совершенного типа, который делают красные марсиане.

Мы распределили оружие среди наших спутников, насколько это было возможно. Револьверы мы дали двум женщинам, в том числе и Тувии.

Она была нашим проводником, и мы быстро, но осторожно отправились вслед за ней по лабиринтам ходов. Мы проходили через большие комнаты, высеченные в массиве скалы, шли по извилистым коридорам, поднимались на крутые подъемы и прятались в темных нишах при звуке приближающихся шагов.

Тувия хотела провести нас в отдельную кладовую, где, по ее словам, было много оружия и боеприпасов. Оттуда она должна была вывести нас на вершину скалы, а там мы должны были применить всю нашу сообразительность, чтобы прорваться через твердыню святых жрецов к внешнему миру.

– И даже тогда, – воскликнула Тувия, – мы не будем в безопасности! Длинные руки святых жрецов! Они достигают любого места в Барсуме. Их тайные храмы прячутся в сердце каждой общины. Куда бы мы не пришли, весть о нашем бегстве опередит нас, и смерть настигнет нас раньше, чем мы сможем разоблачить их.

Мы шли уже около часа, не встречая никаких препятствий. Тувия только шепнула мне, что мы близко от цели, как при входе в обширную комнату наткнулись на человека, очевидно, жреца.

Кроме обычного кожаного наряда и украшений, он носил вокруг лба массивный золотой обруч, в центре которого был вделан огромный камень. Точную копию этого камня я видел около двадцати лет тому назад на груди маленького старика на атмосферной станции.

Это – бесценное сокровище Барсума! Известны только два таких камня, и их носили два старика, накачивавших искусственный воздух во все части Марса.

Камень, который был на встретившемся нам старике, был приблизительно такой же величины, как тот, который я видел когда-то. Он имел около дюйма в диаметре и излучал девять различных ясно видимых лучей: семь основных цветов нашей земной призмы и еще два луча, которые на Земле не известны и изумительная красота которых не поддается описанию.

Увидя нас, глаза жреца сузились и злобно сверкнули.

– Стойте, – вскричал он. – Что это значит, Тувия?

Вместо ответа девушка подняла свой револьвер и в упор выстрелила в него. Он без звука свалился мертвый.

– Гадина! – прошипела она. – Наконец-то я отомстила тебе за все эти годы!

Она повернулась ко мне, желая, видимо, что-то мне объяснить, но внезапно глаза ее расширились от удивления, и она с легким возгласом бросилась ко мне.

– О, воин! – вскричала она. – Судьба нам действительно благоприятствует! Нам предстоит трудный путь, но благодаря этой твари, которая лежит на полу, мы все же сможем пробиться к внешнему миру. Разве ты не видишь чудесного сходства между этим святым жрецом и тобой?

Действительно – он был моего роста, и глаза и черты его лица очень напоминали мои, но на голове у него развевалась копна желтых волос, как и у тех двух, которых я убил раньше, а у меня были черные коротко остриженные волосы.

– Что же из этого? – спросил я Тувию. – Неужели ты думаешь, что я смогу со своими короткими черными волосами выдавать себя за желтоволосого священника вашего адского культа?

Она улыбнулась и вместо ответа подошла к телу убитого ею человека. Встав на колени, она сняла золотой обруч, а вместе с ним, к моему удивлению, и весь скальп с головы мертвеца.

Она надела этот желтый парик на мои черные волосы и увенчала золотым обручем со сверкающим камнем.

– Одень его кожаный наряд, – сказала она, – и ты сможешь свободно пройти по владениям жрецов, потому что Сатор Трог был святой жрец десятого цикла и имел великую власть.

Когда я наклонился над мертвым, чтобы снять его наряд, то заметил, что на его голове не росло ни единого волоса: она была гладка, как яйцо!

– Они все такие от рождения, – объяснила Тувия, заметив мое недоумение. – Раса, от которой они произошли, обладала роскошными золотистыми волосами, но уже в продолжение многих веков эта раса совсем безволоса. Парик сделался принадлежностью их наряда, и такой важной, что считается величайшим позором, если жрец публично покажется без него.

Через минуту я стоял, одетый в полный наряд жреца. По совету Тувии, двое из сопровождавших нас пленников понесли тело жреца, и мы продолжали свою дальнюю дорогу к кладовой, которой достигли без дальнейших злоключений.

Ключи, снятые Тувией с первого убитого жреца, открыли нам доступ в кладовую, и мы быстро снабдили себя достаточным количеством оружия и боеприпасов. К этому времени я уже так утомился, что был не в состоянии двинуться дальше. Посоветовав Тарс Таркасу сделать то же самое, и, приказав двоим из освобожденных нести караульную службу, я повалился на пол.

Через минуту я уже крепко спал.

5. В подземном лабиринте

Не знаю, сколько времени проспал я на полу в кладовой, но, должно быть, много часов. Внезапно я был разбужен тревожными криками и не успел еще собраться с мыслями и сообразить, где я нахожусь, как услышал выстрелы, звук которых гулко прокатился по подземным коридорам.

Я вскочил на ноги. В дверях, противоположных тем, через которые мы вошли в комнату, стояло двенадцать младших жрецов. Вокруг меня извивались в предсмертных судорогах тела моих спутников: спаслись только Тувия и Тарс Таркас, которые, подобно мне, лежали на полу и тем избежали губительного огня.

При виде меня жрецы опустили ружья, и на их лицах выразился испуг и изумление. Я немедленно воспользовался этим.

– Что это значит? – вскричал я гневно, – не хватает, чтобы Сатор Трог был убит своими подчиненными!

– Смилуйся, владыка десятого цикла, – вскричал один из жрецов, а остальные попятись к двери, как бы желая скрыться с глаз разгневанного повелителя.

– Спроси, что им здесь нужно, – шепнула Тувия мне.

– Эй, что вы здесь делаете? – крикнул я.

– Двое из внешнего мира бежали и скрываются во владениях жрецов. Мы искали их по приказанию отца жрецов. Один из них белый с черными волосами, а другой – огромный зеленый воин.

И при этом жрец бросил подозрительный взгляд на Тарс Таркаса.

– Вот он, – воскликнула Тувия, – и если бы вы взглянули на мертвого человека у двери, то признали бы и другого. Сатор Трогу и его рабам удалось выполнить то, чего младшие жрецы охраны не сумели сделать – убить одного и захватить в плен другого. За это Сатор Трог даровал им свободу. А вы, в вашем неразумении, убили всех, кроме меня, и чуть не убили самого великого Сатор Трога!

Жрецы казались испуганными и пришибленными.

– Не лучше ли им бросить эти тела растительным людям и вернуться к себе, владыка? – обратилась ко мне Тувия.

– Да, сделайте, как вам укажет Тувия, – сказал я.

Когда жрецы подняли тела, я заметил, как один из них, при виде лица Сатор Трога бросил украдкой взгляд в мою сторону. Я мог бы поклясться, что он что-то заподозрил, но это было только подозрение, которое он не осмелился высказать.

Вынося тело из комнаты, он снова окинул меня быстрым вопросительным взглядом, а затем перевел глаза на блестящий плешивый череп мертвеца и на губах его зазмеилась торжествующая улыбка.

Только Тарс Таркас, Тувия и я остались в живых. Роковые выстрелы жрецов лишили наших спутников последнего шанса на свободу.

Как только мрачная процессия с покойниками скрылась, Тувия стала торопить нас к бегству. Она тоже заметила подозрительный взгляд жреца, выносившего тело Сатор Трога.

– Это не обещает нам ничего хорошего, – молвила она. – Жрец не осмелится сам обвинить тебя, боясь ошибиться, но есть жрецы выше его, которые могут потребовать тщательного расследования, а это будет для нас роковым концом.

Я пожал плечами. Мне самому казалось, что концом всех наших усилий будет смерть. Хотя сон и освежил меня, но я чувствовал себя очень слабым от потери крови. Раны мои горели. Медицинской помощи ожидать было неоткуда. Как я хотел бы теперь иметь в своем

распоряжении мази и настойки зеленых марсианских женщин, которые обладали почти волшебной целительной силой! Эти средства возродили бы меня через час.

Настроение мое было подавленное. Никогда еще я не чувствовал такой полной безнадежности перед лицом опасности. В эту минуту случайный сквозняк подхватил длинные желтые волосы моего парика, и они скользнули мне по лицу.

Может ли все же мой маскарад открыть нам дорогу к свободе? Можем ли мы все-таки спастись, если попробуем бежать раньше, чем будет поднята общая тревога? И я решил сделать еще одну попытку.

– Что предпримет жрец, Тувия, – спросил я. – Через сколько времени они смогут вернуться?

– Он прямо пойдет к отцу жрецов, к Старому Матаи Шангу. Ему придется ждать аудиенции, но так как он занимает высокое положение среди младших жрецов, то его скоро допустят. Если отец жрецов поверит его истории, то через час все коридоры и комнаты, все дворцы и сады будут оцеплены сыщиками. Значит, у нас все же есть час. Мы должны пройти прямо на вершину скал, – ответила она, – а оттуда через сады во внутренний двор. Затем наш путь будет пролегать между храмами жрецов к внешнему двору. А потом еще укрепления... Нет, нет, это совсем безнадежно! Десять тысяч воинов не смогли бы пробиться к свободе из этого ужасного места. С начала мира жрецы работают над укреплением своей твердыни. Бесперывная линия неприступных крепостей окружает внешние склоны горы Оц. За этими укреплениями находится миллион бойцов, всегда готовых к сражению. Дворы и сады полны рабами, женщинами и детьми. Нельзя пройти и несколько шагов, без того, чтобы не быть обнаруженным.

– Если нет другого пути, Тувия, не к чему распространяться о затруднениях!

– Не попытаться ли нам лучше пробраться после наступления темноты? – спросил Тарс Таркас. – Днем, по-видимому, нет никаких шансов на успех.

– Ах! Ночью укрепления хорошо охраняются, может быть, даже еще лучше, чем днем. Правда, в садах и во дворе меньше народа, – ответила Тувия.

– Который теперь час? – спросил я.

– Была полночь, когда ты меня освободил, – сказала Тувия. – Через два часа мы были в кладовой. Здесь ты проспал четырнадцать часов. Теперь, должно быть опять солнечный закат. Пойдем к какому-нибудь ближайшему отверстию в скале и посмотрим.

При этих словах она повела нас по извилистым коридорам, пока после одного поворота мы не подошли к отверстию, выходящему на долину Дор.

По правую руку от нас, за западными склонами горы Оц, сиделся огромный красный шар солнца.

Немного ниже нас на балкончике стоял на часах святой жрец. Служебное красное платье было туго стянуто вокруг его тела, предохраняя от холода. Атмосфера там настолько редкая, что она поглощает очень мало солнечного тепла, потому днем всегда страшно жарко, а ночью необычайно холодно. Так как разреженная атмосфера не преломляет солнечных лучей, то на Марсе нет сумерек. Когда огромный солнечный шар скрывается за горизонтом, то впечатление получается такое, как если бы потушили лампу в комнате. После яркого света вас сразу окутывает полный мрак. Тогда восходят луны, таинственные волшебные луны Марса, низко пробегающие над планетой, как большие метеориты.

Заходящее солнце кидало яркие блики на западный берег Коруса, на пурпурный луг и роскошные леса. Под деревьями паслись стада растительных людей. Взрослые стояли, вытянувшись во весь рост, и подрезали своими когтями листья и ветки. Теперь я понял, отчего деревья были подрезаны так тщательно, что я даже вообразил накануне, что нахожусь в парке культурных людей!

Стоя у окна, мы смотрели на Исс, вытекающий из-под скал под нами. Вскоре из-под горы показался челн, нагруженный людьми внешнего мира. Их было двенадцать. Все они принадлежали к высококультурной красной расе, которая является господствующей на Марсе.

Взгляд сторожевого жреца тоже немедленно устремился на обреченных. Он поднял голову и, перегнувшись через низкие перила, окаймлявшие балкон, испустил пронзительный злобный крик, которым он созывал к нападению дьяволов этого адского места.

С минуту животные стояли, наострив уши, а затем огромными неуклюжими прыжками бросились из роши к берегу реки.

Путешественники высадились и стояли на лугу, когда ужасная орда накинута на них. Бесплодные попытки защититься и вопли ужаса быстро прекратились. Наступило молчание, во время которого огромные омерзительные чудовища покрывали тела несчастных жертв, и отвратительные губы присасывались к ним.

Я с отвращением отвернулся.

– Их пир скоро будет кончен, – сказала Тувия. – Большие белые обезьяны получают мясо после того, как растительные люди высосут кровь. Смотри, они уже идут!

Я посмотрел в сторону, куда показывала девушка, и увидел десяток белых чудовищ, бегущих через долину к реке. Но в эту минуту зашло солнце, и нас окутал полный мрак.

Не теряя времени, Тувия повела нас по коридору в скале, который все время поднимался. Этот коридор должен был вывести нас на поверхность, лежащую на тысячу футов выше того уровня, на котором мы находились первоначально.

Дважды огромные бенсы, которые свободно бродили по коридорам, преграждали нам путь, но всякий раз Тувия отдавала им тихим голосом приказание, и рычащие звери угрюмо скрывались.

– Если все препятствия ты будешь преодолевать так же легко, то наш путь не будет особенно трудным, – сказал я, улыбаясь. – Как ты делаешь это, Тувия?

Она засмеялась, но потом содрогнулась.

– Я и сама не знаю, – промолвила она. – Когда я попала сюда, я навлекла на себя гнев Сатор Трога за то, что оттолкнула его. Он приказал бросить меня в одну из больших ям во внутренних садах. Яма была полна бенсами. У себя на родине я привыкла приказывать. Что-то в моем голосе устрасило зверей, когда они прыгнули на меня.

Вместо того чтобы разорвать меня в клочья, как того желал Сатор Трог, они улеглись у моих ног и начали ласкаться. Это так забавляло Сатор Трога и его друзей, что они оставили меня для дрессировки этих страшных зверей. Я их всех знаю по именам. Их много бродит по этим нижним коридорам: пленники часто умирают в цепях, и бенсы помогают очищать проходы от трупов.

Наверху, в храмах и садах, бенсы содержатся в ямах. Жрецы их боятся, и поэтому избегают проникать в эти нижние коридоры, разве что служба этого потребует.

Слова Тувии вызвали во мне новую мысль.

– Не взять ли нам с собой нескольких бенсов и выпустить их на волю? – спросил я.

Тувия засмеялась.

– Да! Это, наверное, отвлекло бы внимание от нас.

Она начала звать тихим певучим голосом и продолжала напевать, в то время как мы кружились по лабиринту подземелья коридоров и комнат.

Вскоре, позади нас послышались шаги мягких лап и, обернувшись, я увидел пару больших зеленых глаз, горевших в темноте. Из бокового коридора тихо выскользнула гибкая темная фигура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.